

18+

ВЛАДИМИР ПОПОВ

Пчёлочка золотая

Владимир Попов

Пчёлочка золотая.

Фольклорная тетрадь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785481

ISBN 9785449839121

Аннотация

Стихотворения, опубликованные в этой книге, написаны в разные годы. Это стихи о Русском Севере и подмосковном посёлке Томилино, где прошли детство и юность автора и где он по сей день живёт в старом деревенском доме. Так же, как Северный край богат лесом, водами и животным миром, но, самое главное, талантами тех, кто живет в этих суровых местах и творит красоту, так и стародачные места Подмоскovie таят много удивительных открытий для тех, кто умеет видеть и чувствовать красоту родной земли.

Содержание

Вьюга	7
Тараторы	8
«Соберу года в беремья...»	9
Шуточная	10
«Ходит Петя на рассвете...»	11
«На дорожке, в переулке...»	12
«Рыбарь сидет на реке...»	13
«По реке плывёт корыто...»	14
По старой дороге	16
Онса	17
«Бабка ходит весело...»	19
Ясная звёздочка с неба упала	20
В поселении Резя	21
«Летят утки-перегудки...»	22
«Когда глаза закрою...»	24
«Вот они поют припевки...»	25
Заплетуха	26
«Бабка по избе летает...»	27
Хорошие слова	29
Над рекою туман	30
«Манефа жарит рыбу...»	31
«Налью я кружку чаю ...»	33
«Настя нас весь день ругает ...»	34

В серебряную ночь	36
Ася кя*	37
«Вы, мадам, влезая в лодку...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пчёлочка золотая

Фольклорная тетрадь

Владимир Попов

Александр Сизухин *Фотограф*

Андрей Васильев *Компьютерная вёрстка*

Юлия Архирый *Автор обложки*

© Владимир Попов, 2020

© Александр Сизухин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-3912-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вьюга

Воют вии за стеной.
Ходит холод за спиной,
и дрожит от страха
тонкая рубаха.

Вот какая вьюга
нам для перепуга!

Тараторы

Бабка тары тараторит.

Тараторит – словно вторит.

– Ты зачем семью оставил:

С ног на голову поставил?

То зашьёт, а то распорет...

Тараторит, тараторит.

– Бросил деток, как котят —

уж саму за пятьдесят.

...Головастый и губастый,

как совёночек глазастый.

То вздохнёт, то помолчит.

– Ма-ма... Ма-менька! – мычит.

Смотрит грустно в потолок,

как обиженный телок.

«Соберу года в беремья...»

Соберу года в беремья
и сюда приволоку.
Золотое было время
на серебряном веку.

Вдохновенные поэты.
Дамы дивной красоты.
Золотые эполеты
да Егорьевы кресты.

Отлетели птичьи трели
за небесный окоём.
Отгремели-отзвенели
колокольным хрусталём.

Эти мраморные лица
к нам из прошлого глядят.
И серебряные птицы
над могилами летят.

Шуточная

Я сидела на пеню,
ела сладку пельменю.
Подошёл американ
и залез ко мне в карман.

Полетела я в полицу —
пореветь и повиниться:

«Я сидела на пеню,
ела сладку пельменю.
Подошёл американ
и залез ко мне в карман...»

и т. д.

«Ходит Петя на рассвете...»

Ходит Петя на рассвете
у сарая, у повети.

То присядет у крыльца,
как мужик из-под Ельца.

То, как баба в хороводе,
всё кругами ходит, ходит...

Слышно, как шуршит солома
возле Светкиного дома.

«На дорожке, в переулке...»

На дорожке, в переулке,
собирает дед окурки.

– Расплодились чертенята,
словно осенью опята!

А на лавочке, в сторонке,
зреют бабки-пенсионки.

Корчат рожи, что есть мочи.
И хохочут, и хохочут...

«Рыбарь сидет на реке...»

Рыбарь сидет на реке,
как сиделец в кабаке.

Ничего не продаёт —
носом на волну клюёт.

Размотал свою беду
и повесил на уду.

Ты уди, уди, уда —
будет полна скворода.

Рыбные крошки
споловиним кошке.

Рыбные отонки
подберут котёнки.

А хребеты-мощи —
для любимой тёщи.

«По реке плывёт корыто...»

По реке плывёт корыто,
полно девками забито.
Все поют и пляшут,
тянут тину-няшу.

По реке плывут ворота
рядом с бабой косоротой:
орет дикие слова —
над водою голова.

Голова садовая —
поругань дворовая.

Позади немножко —
мужики с гармошкой.

Пьяненькие в стельку,
и ревут про Стеньку.

Разина ты, разина —
у, кака заразина!

У плотины-загородки
подолы сушат молодки.

Вплоть до понедельника
праздники у мельника!

По старой дороге

По старой дороге, по старой дороге
бредут мои мысли, идут мои ноги...

Когда-то давно, в домотканой рубашке
ушли наши чуди от Пинеги к Вашке...

В какие угоры, в какие завесы
по старой дороге, по тихому лесу?..

Ушла моя молодость в дикие логи,
по тихому лесу, по старой дороге.

Какое безлюдье в таинственной жути —
лишь встретится крест на глухом перепутье.

Но как благодатно, под зовы кукушки
сидеть на пороге охотной избышки.

Леса первозданны в осеннем убранстве,
и чудятся чуди в чудесном пространстве.

Онса

Онса (или Онца) —
всю видать до донца.

По посёлку, за углом —
речка тиховодная.
Руку сунешь за угрём —
у, кака холодная!

Протекает тут и там —
прячется за елью —
разделяет пополам
всю Большую Щелью.

Огонёк в окне дрожит
в доме отдалённом.
И собака пробежит
по тревожным бонам.

Даль гудками запоёт...
С шорохом и хрустом
теплоходик подойдёт
к онсовому устью.

И сойдёт на бережок

тёмно-красно-глиновы́й
твой блестящий сапожок,
сапожок резиновый.
С жарким мёдом на губах,
всю ночь до рассвета
нацелуемся впотьмах
с почтальонкой Светой.

— — — — —

Онса – приток Ваики.

«Бабка ходит весело...»

Бабка ходит весело,
открывает ставни:
«Вот приедет на село
капитан-исправник!»

На привет один ответ
и одни страдания —
девяносто девять лет
бабушке Мелании.

Всё грозит она зело
коммунистам главным:
«Вот приедет на село
капитан-исправник!
Я под ноги постелю
душу, как солому,
нашу батюшке-царю
Николай Второму!»

Ясная звёздочка с неба упала (хороводная)

Ясная звёздочка с неба упала.

Ой, лала, ой, лала. Ой!

За тёмным лесом, за лесом пропала.

Ой, лала, ой, лала. Ой!

Ты выходи, ясный месяц, на волю.

Ой, лала, ой, лала. Ой!

И освети мою девичью долю.

Ой, лала, ой, лала. Ой!

Будем на лодке с любимым кататься.

Ой, лала, ой, лала. Ой!

Будем с любимым за рученьки браться.

Ой, лала, ой, лала. Ой...

В поселении Резя

Ярко светят созвездья.
Громко птица поёт.
В поселении Резя
никто не живёт.

Опустели домишки.
Раны выбитых рам.
Только серые мышки
шебуршат по углам.

Смеха-плача не слышно.
Позабыта молва.
На часовне, под крышей
поселилась сова.

А цветок у порога
голубой-голубой...
Вековая дорога
зарастает травой.

— — — — —
Резя — деревня в Лешуконье.

«Летят утки-перегудки...»

Летят утки-перегудки
с изумрудами в желудке.
Под крылами топь и гать —
как на блюдечке видать.

Вся деревня на виду,
как в доселенном году:
до колодца прядают
соседушки порядовы.
А домовы крыши
через печку дышат.

Дед полез на подволоку
и чекушку держит сбоку:
видно, старого без дела
полуночица заела.

Бабка мечется, как бес,
будто на иголках:
— Ты опять, старой, полез
к Ваньке Ёлкину!

А сноха в окошке
поправляет рожки,

светит без утайки
кофтой из китайки.
Парень честью дорожит —
мыслит о побеге:
у амбара возлежит
на пустой телеге.

За сараем целый ряд:
свиньи, овцы, куры...
И шабашники стоят,
и цыгарки курят.

И гуляет вороньё
посредине лужи...
И стоит себе ворьё,
опершись на ружья.

«Когда глаза закрою...»

Когда глаза закрою,
то слышу женский вой:
«Возьми меня с собою,
возьми меня с собой!»

Застылые, как тени —
вдвоём и поутру —
на скользких на ступенях
стоим в аэропорту.

Мне будут долго сниться
зелёные глаза.
Продрогнет на ресницах
горячая слеза.

Холодная округа
архангельской зимой...
И женский вой, как вьюга,
летает над землёй.

«Вот они поют припевки...»

Вот они поют припевки,
и поют, поют опять:
«Выходили красны девки
за околицу стоять».

Ничего не пожалею,
чтоб услышать тех девчат...
«Я тебя любовью тлею»
уплывает на закат.

А уже на небе позднем
одну звёздочку видать...
«Перестань, источник слёзный»
мою душу омыwać.

Заплетуха

Спотыкаюсь я об тень —
еле ходят ноги...
Заплела судьбу плетень
поперёк дороги.

Оплетает каждый день —
ходит мимо денег.
Заплетаёт заплетень
не венок, а веник.

На плетень я тень навёл:
плетею за ухом
почесался и наплёл
эту заплетуху.

«Бабка по избе летает...»

Бабка по избе летает,
суетится со всех ног —
мне в дорогу собирает
подорожный узелок:
полбуханки хлеба,
три варёные картошки,
два яйца вкрутую,
луковицу
и бутылку воды.

— Ты возьми, возьми, сынок:
завязала в свой платок!

Развяжу я узелок
в перепутии дорог.

Полбуханки хлеба,
чтобы видеть небо.

Три варёные картошки,
чтобы сил было немножко.
Два яйца вкрутую —
тайну золотую.

Луковицу хрусткую,
как судьбину русскую.

И бутылочку воды,
со молитвой от беды.
Да любовь в придачу...

Я иду и плачу...

Хорошие слова

Здѣсь и Кла, и Ёл, у а
Вкомша и Кшма... **ы о**
Непонятные слова,
но зато хорошие.

Повстречались мне надысь —
справа или слева —
и болотная Горбсь, **ы**
и лесная вва. **Е**

я, Мтка, Пч и Дм, **Ы ы о ы**
Чй, Кв, Нш и на... **о ы ю О**
Хорошо быть молодым
и худым до звона!

Над рекою туман (песня о Вашке)

Словно призрачный сон, будто морок-обман:
кто-то с берега машет рукою...

Над рекою туман, над рекою туман,
опустился туман над рекою.

Над рекою туман, над рекою туман...

Словно образ крестьянского рая —
над рекою леса, как старинный орган
величальные песни играет.

Над рекою туман. Над рекою туман...

Сколько неба и сколько покоя!

Породнила Река русских, коми-зырян —
и связала одною рукою.

Над рекою туман, над рекою туман...

И Коню ветер гриву погладит.

Навсегда улетит от людей чёрный вран.

И в лесах Птица гнёздышко сладит.

Конь – герб Лешуконья, Птица – герб Коми.

«Манефа жарит рыбу...»

– Манефа, жарь рыбу.

– Рыба вся...

– Жарь всю!

(Северная присказка)

Манефа жарит рыбу
на берегу реки...
Похожие на глыбы,
лежим, как бурлаки.

Мы дружно взгромоздились
на перекур-покой,
коль баржу разгрузили
с пшеничною мукой.

Манефа рыбу жарит —
такое объединье...
Колдует-кочегарит,
а мне уже до фени.

Не вижу сини неба —
усталый, как батрак...
Один Степан из Кебы
смеётся, как дурак.

Хохочет во всю глотку,
как будто не устал:
«Я с берега на лодку
молодушек таскал.
Они, как горностаи,
обнимут, как во сне,
и тело распластают
по выгнутой спине».

От сладкого дурмана
вся Олема в дыму...
Мы смотрим на Степана,
завидуя ему.

«Налью я кружку чаю ...»

Налью я кружку чаю —
уйду от суеты...
«Я без тебя скучаю», —
мне написала ты.

Осенняя погода.
И дождик поутру.
Скучает вся природа
по ласке и теплу.

И явно различаю
среди этой красоты —
«Я без тебя скучаю»,
как поздние цветы.

«Настя нас весь день ругает ...»

Настя нас весь день ругает —
гнёт колючие слова:
«В речке хариус играет,
а вы колете дрова!»

Были мы удивлены —
чтобы не перечить,
побросали колуны
и пошли на речку.

Тихо вечер догорает...
Мы сидим, как люди —
в речке хариус играет,
а его мы удим.

Настя ходит и орёт,
долбит словно молотом:
«Скоро дождичек пойдёт,
А дрова не колоты!»

Смех и звон со всех сторон...
Вот тебе и здрастье!
Всем большой, большой поклон
и привет от Насти...

В серебряную ночь

В серебряную ночь
звездами мир прошит.
По тонкому ледочку
морозец шебуршит.

Молоденький морозец
гуляет и не спит.
И журавель-колодец
по-зимнему скрипит.

Асья кья*

За лесом, за Кебой,
в таёжной укроме,
под северным небом
живёт народ-коми.

Он чайке поморской
подобен в судьбе.
Есть Стефан Печёрский
в старинной избе.

И птица счастливо,
как малые дети,
кричит: «сья ка!»* – **А Ы**
всегда на рассвете.

— — — — —

* *Асья кья (коми) – утренняя заря*

«Вы, мадам, влезая в лодку...»

«Вы, мадам, влезая в лодку,
не попортите колготку!»

Обхватил её без спроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.